

Мемуары Иосифа Марковича Разрана

Сын подпольного шойхета

Мой отец даже спал в кипе

Иосиф Маркович Разран родился в 1928 году в маленьком белорусском городке Слуцке в семье потомственных шойхетов. У дедушки с бабушкой было четверо собственных детей и один воспитанник. Раньше у евреев было принято: если дети в местечках, в городках оставались сиротами, их забирали на воспитание в семьи. Иосиф Маркович у своих родителей ребя Мордхе и Хаи Моисеевны был младшим сыном. У него еще были два брата Михаил и Лазарь и сестра Ида.

Детство Иосифа Марковича пришлось на тяжелые и голодные 20-30-е годы прошлого века. В 1929 году он вместе с родителями переехал в Ленинград. Чтобы прокормить семью, его отец пошел работать на стройку. Несколько лет он таскал кирпичи и бревна. Но все эти годы ребя Мордхе не разрывал связи с синагогой.

Иосиф Маркович: Мы жили на Голодае. Это в конце Васильевского острова, у самого залива. Я очень хорошо помню, как каждую субботу папа оттуда пешком ходил в синагогу. И возвращался тоже пешком. Но уже веселенький, поскольку был шаббат, и в синагоге устраивали небольшой лехаим.

Реб Мордхе был очень верующим человеком. Он даже спал в кипе. Однако детям приходилось скрывать, что их отец религиозный, чтобы получить образование. Все это держалось в строжайшем секрете.

Меня эвакуировали дважды

Иосиф Маркович был в четвертом классе, когда в июле 1941 года началась эвакуация детей из Ленинграда. Без родителей.

Иосиф Маркович: Я помню, как нас грузили в автобус. Сколько слез было! Вывезли на Валдай, в район Старой Русы, в село Яжелбицы. Выгрузили и сказали: «Теперь идите по домам и просите, чтобы вас пустили жить». Мы пошли, но никто нас не хотел пускать. А у меня был пакетик конфет «Шантеклер», который мама сунула мне, когда мы уезжали. И когда я уже отчаялся найти приют, в одном из домов я дал старушке пакетик этих конфет, и она меня пустила.

В селе дети прожили где-то две-три недели. Там бомбежки начались раньше, чем в Ленинграде. В Ленинграде стало об этом известно, и родители бросились за своими детьми. За Иосифом Марковичем приехали мать с сестрой и забрали его обратно в Ленинград.

Едва они, уставшие и голодные, вернулись в Ленинград, как пришел старший брат Иосифа Марковича Михаил, слушатель Военно-медицинской академии и сказал: «Если вы в ближайшее время не выедете из Ленинграда, то вам уже не выбраться, так как немецкие войска уже на подходе к Ленинграду». Но чтобы выехать, нужно было иметь так называемое эвакуационное удостоверение. А у Иосифа Марковича было очень много родни в Ленинграде. Набиралось 22 человека. И когда встал вопрос об эвакуации, его отец сказал: «Мы поедем, если поедут все родственники». Старший брат пошел в исполком и достал эти удостоверения. 20 августа семья Иосифа Марковича и все родственники выехали из Ленинграда.

Иосиф Маркович: Когда мы подъезжали к станции Мга, в районе которой находилась колония заключенных, в вагон зашел начальник поезда и сказал, что на станции Мга уже практически нет военных, но зато очень много беглых заключенных, которые будут ломиться в вагон. Он велел всем мужчинам в вагонах стоять в тамбуре и держать дверь. А дедушка мой тоже был очень религиозный. Он всю дорогу сидел в тамбуре в талесе и молился Богу. На станции Мга действительно какие-то люди стали ломиться в вагон. Но мужчины наши все-таки выстояли. Когда мы проскочили станцию Мга, пришел начальник поезда, подошел к дедушке, пожал ему руку и говорит: «Отец, спасибо тебе. Если бы не ты, нам бы не жить». Оказывается, до нас состав тоже с эвакуированными был полностью разбит, разбомблен. «А благодаря тому, что ты молился Богу, мы проскочили», - сказал начальник.

Через две недели Иосиф Маркович оказался в Средней Азии, в городе Фрунзе. Получилось, что он эвакуировался два раза.

В гостях у мужа врага народа

Во Фрунзе жил брат реб Мордхе – Абрам, ветеринарный врач. Судьба этого человека трагична. Его жена Анна работала стоматологом. И был у них маленький сын. Однажды в 1938 году, ночью раздался звонок к ним домой.

Иосиф Маркович: Они открывают дверь, а там стоят, как раньше говорили, «в кожаных тужурках» и говорят жене: «Собирайтесь». Ее объявили врагом народа. За что? Ничего неизвестно. Может быть,

какой-то ложный донос. Ее забрали, и больше о ней никто никогда не слышал. И остался папин брат с сыном вдвоем. Ему дали несколько дней на сборы и выслали из Ленинграда во Фрунзе.

В эвакуации реб Мордхе пошел работать ветеринарным фельдшером, мать Иосифа Марковича устроилась судомойкой в столовую института Лесгафта.

В 1942 году отца мобилизовали в армию. Но поскольку он строго соблюдал все еврейские традиции, в том числе кашрут, он практически ничего не ел и сильно похудел. И тогда его командир, чтоб не брать на себя ответственность за его жизнь (не дай бог, что случится с этим солдатом), демобилизовал его и отправил домой. Вот так реб Мордхе вернулся, пробыв в армии всего два месяца.

Иосиф Маркович пробыл в эвакуации до 1945 года. Его дедушка реб Ицхок умер и был похоронен во Фрунзе.

О тех, кто не вернулся...

После войны из всей родни Иосифа Марковича осталось в живых очень мало людей. В Слуцке был расстрелян брат реб Мордхе Лейбл с женой.

Второй брат реб Мордхе Сендер умер в Ленинграде во время блокады.

В 1944 году, после окончания Военно-медицинской академии, старший брат Иосифа Марковича был направлен на фронт.

Иосиф Маркович: Когда война закончилась, мы были в счастливом ожидании, что он вот-вот вернется домой. Но в начале июня маму вызвали в жилуправление и вручили ей похоронку.

Оказалось, что 30 мая 1945 года Михаил погиб в Германии в результате немецкой диверсии. Его отравили вместе со многими другими советскими офицерами. Это стало известно из рассказа его друга, который тоже служил в армии в том же районе.

Верить в Бога не запрещалось... но и не разрешалось

После окончания войны семья Иосифа Марковича вернулась в Ленинград. Жизнь стала понемножку налаживаться. Реб Мордхе первым делом направился, конечно, в Большую Хоральную Синагогу. Там у него уже образовался круг знакомых. Помимо того, что реб Мордхе был шойхетом, его назначили шамесом в Малую синагогу. Он организовывал молебны, следил за порядком, утром расставлял молитвенники для прихожан.

В это время в Ленинграде было много верующих евреев, правда, в основном, стариков. Верить в Бога не запрещалось, но и не разрешалось. Никакой поддержки от государства Синагога не получала. Но когда Ленинград должны были посетить иностранные делегации, в Синагогу поступали указания Комитета по делам религий Ленгорисполкома: «Вот такого-то числа приедет такая-то делегация. Вы должны обеспечить ей соответствующий прием, естественно, за счет общины».

Иосиф Маркович: Поскольку в Синагоге не было условий для того, чтобы приготовить угощение с соблюдением кашрута, приходилось его готовить маме и сестре у нас дома и привозить в синагогу.

Многие зарубежные делегации оказывали большую помощь общине.

Иосиф Маркович: Так, например, в Ленинграде ежегодно проводился пушной аукцион. Мехащики со всего союза привозили норку, песца, лисицу. А из-за рубежа приезжали богатые евреи, которые скупали оптом шкуры. И эти люди делали большие пожертвования Синагоге. Конечно, это происходило нелегально.

«Уложил» быка одним движением

Реб Мордхе был известным человеком среди ленинградских евреев, так как он обеспечивал еврейскую общину кошерным мясом.

Иосиф Маркович: Делать шхиту легально было невозможно. Но когда папа резал скот, уже среди своих евреев шла информация о том, что на Сенном рынке в определенном месте, на определенном лотке будут продавать кошерное мясо.

Однажды Иосиф Маркович был свидетелем того, как его отец, с виду невысокий и худощавый, но физически очень сильный, одним движением «уложил» громадного быка.

Также реб Мордхе часто делал шхиту птицы. Обычно перед праздниками ему привозили целую корзину куриц, и он их резал.

Реб Мордхе пробыл шойхетом 35 лет. Даже когда он заболел и отошел от дел, время от времени к нему обращались с просьбой сделать шхиту и специально присылали машину.

После смерти отца Иосиф Маркович передал в Синагогу набор инструментов – «халефов» (ножей для шхиты), которыми работал реб Мордхе. А дома у него до сих пор хранится небольшой отцовский нож для птицы.

«Еврейское гнездо»

Город Всеволожск в 40-50-е годы называли «еврейским гнездом», поскольку каждое лето туда приезжало много верующих евреев. Родители Иосифа Марковича снимали дачу у набожного еврея Болотовского. В доме у Болотовского всегда собиралось много людей на молитву, особенно в шаббат. Мать Иосифа Марковича обычно в пятницу утром в русской печи готовила традиционную субботнюю еду – чолнт. И в субботу устраивалась трапеза, после которой все сидели во дворе, беседовали, шутили и пели еврейские песни.

У Болотовского была своя корова, поэтому летом молоко покупали у него на даче. А зимой он раз в неделю привозил молоко домой к Иосифу Марковичу. Благодаря Болотовскому и еще нескольким людям религиозные евреи обеспечивались кошерными продуктами.

Мацу пекли всей семьей

Песах всегда был поводом для общего сбора большой семьи Иосифа Марковича. Поскольку в синагоге тогда маца не выпекалась, ее приходилось печь дома. А это был длительный и трудоемкий процесс. Пекли буквально с утра до вечера.

Иосиф Маркович: У нас на Голодае на большой кухне собиралась вся родня. Мама замешивала тесто. Женщины раскатывали его. Муж папиной сестры был пекарем. Дети тоже помогали печь мацу. В мои обязанности входило носить мацу от стола до плиты. А папа осуществлял контроль. Смотрел, чтобы все делалось по правилам, чтобы у всех были чистые руки и передники. С помощью зубчатого колесика, вынутого из будильника, мы делали дырочки в тесте, чтобы маца не вспучивалась при выпечке. Маца получалась тоненькая, хрустящая, буквально рассыпалась во рту. Кроме обычной мацы, мы пекли шмур-мацу для особо религиозных.

Позднее, когда стали печь мацу в синагоге, за ней приезжало много иногородних евреев, особенно с Кавказа. Набожные грузинские евреи закупали мацу большими партиями. Так что Ленинград превратился в центр распространения мацы.

Жизнь за занавесками

В советские времена евреи пытались скрыть свою религиозность.

Иосиф Маркович: Поскольку синагога была довольно далеко от нашего дома, а желающих в то время молиться пожилых евреев было много, папа организовал у нас в квартире молитвенный дом. По субботам у нас собирался миньян, и старички молились. Однако нельзя было, чтобы люди видели, что идет такое количество стариков-евреев в одну квартиру. Это могло вызвать подозрения. Поэтому была договоренность приходить к нам в разное время.

Реб Мордхе не раз приходилось нелегально делать хупу. Он даже делал обрезание мальчикам.

Иосиф Маркович: У нас на Голодае жила одна семья. У них родился сын, ему хотели сделать обрезание. Обратились к папе. Все проходило у них на квартире, собралось много родственников. Был большой праздник. В самый разгар праздника раздался звонок. Пришел милиционер: «Что здесь происходит? Жильцы снизу жалуются, что вы стучите, поете». Но один из гостей не растерялся и налил милиционеру стакан водки. После чего последний, поблагодарив, пожелал хорошего продолжения веселья.

Также знаменитый шойхет занимался преподаванием Торы и иврита для еврейских детей. Естественно, это тоже держалось в тайне.

Иосиф Маркович: Религия была отделена от государства, учить детей было нельзя. Поэтому мама завешивала окна в нашей квартире, чтобы случайные прохожие не могли заглянуть. И вот так, тайно, папа занимался с этими детьми.

Я был далек от религии

Реб Мордхе обучал чужих детей, а своих учить боялся, чтобы не навлечь на них неприятности. Такой вот парадокс: дети знаменитого шойхета даже не знали иврит. Говоря о своем воспитании, Иосиф Маркович отмечает, что у него была типичная еврейская семья с соблюдением всех еврейских традиций. На встречу субботы его отец приглашал еврейских мальчиков. А мать Иосифа Марковича пекла халы. Частым гостем в их доме был кантор синагоги. А на золотую свадьбу родителей пришел и раввин Левитис. Но несмотря на соблюдение всех еврейских традиций, дети реб Мордхе от религии были довольно далеки.

Иосиф Маркович: Я просто боялся подойти к синагоге. Мне казалось, что если я подойду к ней, это сразу станет известно в институте и меня тут же выгонят.

Среди знакомых Иосифа Марковича не было молодых религиозных евреев. Однако по праздникам молодежь в синагоге собиралась. Для них это была своего рода тусовка. Юноши и девушки там познакомились друг с другом, веселились. Особенно много молодежи собиралось на еврейский новый год. Иосиф Маркович тоже убегал с вечерних занятий в институте и отправлялся на праздник.

А еще ему запомнилось выступление знаменитого прибалтийского тенора артиста Михаила Александровича.

Мы сегодня прощаемся с очень красивым евреем

В 1980 году реб Мордхе умер. Председатель правления Синагоги приехал к нему домой и очень просил, чтобы тело реб Мордхе привезли в Синагогу, и прихожане могли попрощаться с ним. Реб Мордхе был очень уважаемым человеком в синагоге. У него было постоянное место во время молитвы. Такие места предоставляются только наиболее верующим и почетным прихожанам.

Иосиф Маркович: Я запомнил на всю жизнь слова одного прихожанина: «Мы сегодня прощаемся с очень красивым евреем реб Мордхе, которого знали все евреи Ленинграда».

С захоронением реб Мордхе возникли сложности. Хоронить на еврейском кладбище тогда было запрещено. С большим трудом удалось получить место на еврейском участке кладбища «9 января». Вот так закончился путь реб Мордхе, но его еще долгие годы помнили в Синагоге.

Место «ссылки» еврейской интеллигенции

Жизнь сына реб Мордхе, Иосифа Марковича, тоже не была простой. Он испытал на себе все «прелести» антисемитизма.

В 1945 году Иосиф Маркович поступил в ЛИИЖТ (железнодорожный институт), поскольку это был один из немногих институтов, куда принимали евреев. После окончания института в 1952 году он получил назначение в город Кандалякшу в электровозное депо.

Иосиф Маркович: У меня были все основания остаться в Ленинграде. Папа был инвалидом второй группы, мама тоже инвалид, бабушка инвалид. Но опять-таки сказался пятый пункт. Мне посоветовали поехать в управление кадров министерства в Москву с просьбой, чтобы меня оставили в Ленинграде. Я поехал, но оттуда меня попросту выгнали, сказав: «Назначение получил. Езжай».

В Кандалакше Иосиф Маркович по договору пробыл три года. Работа была очень тяжелой, грязной. В то время Кандалакша была местом «ссылки» еврейской интеллигенции. Многих еврейских выпускников ленинградских вузов направляли на работу туда. В Кандалакше образовалась компания выпускников-евреев (учителей, врачей и инженеров), с которыми Иосиф Маркович хорошо проводил время.

В Кандалакше Иосиф Маркович встретил свою будущую жену Нору Абрамовну. Она была дочерью заведующей терапевтическим отделением железнодорожной больницы Блюмы Абрамовны. Нора училась в ленинградском педагогическом институте имени Покровского, а к матери приехала на каникулы. Молодые решили пожениться.

Когда Иосиф Маркович сообщил о своем намерении родителям, отец встревоженно спросил на идише: «Она еврейка?» Сын поспешил успокоить: «Папа, она еврейка». И показал фотографию невесты. Выбор был одобрен. Первая свадьба была в Кандалакше. А когда молодые приехали в Ленинград, отец настоял на том, чтобы сделать хупу.

Евреи не нужны

В 1955 году Иосиф Маркович вернулся в Ленинград. И тогда начались его мучения с поиском работы.

Иосиф Маркович звонил по телефону в различные организации и спрашивал, нужны ли работники по его специальности. Ему отвечали, что нужны, а когда он приезжал, говорили, что уже кого-то взяли. Иосиф Маркович был в отчаянии, ведь ему нужно было содержать жену и ребенка. Он готов был идти на любую неprestижную и низкооплачиваемую работу, лишь бы выжить.

Иосиф Маркович: Это был самый тяжелый период. Дело врачей. Никуда евреев не брали. Совершенно безвыходное положение. Я знаю, что нужны люди, прихожу – а меня не берут.

В то время существовало положение, что в течение месяца нужно устроиться на работу, чтобы не потерять стаж. Когда знакомая посоветовала Иосифу Марковичу зайти в институт «Гипроруда», до конца этого срока оставалась неделя. Оказалось, что в институте специальность Иосифа Марковича очень нужна. У Иосифа Марковича появилась надежда. Директор института обещал дать ответ через несколько дней. Но прошла неделя, а ответа не последовало. Иосиф Маркович очень переживал, но его все-таки взяли.

И он проработал в «Гипроруде» 35 лет, пройдя путь от рядового инженера до главного специалиста.

Иосиф Маркович: Однажды вызывает меня директор, говорит, что освободилось место начальника отдела, и предлагает мне занять эту должность. Я согласился. Прошла неделя, две, три. Нет приказа о зачислении на должность. Потом сказали, что на заседании партбюро мой хороший знакомый, с которым я отработал 30 лет, выступил против моего назначения. Якобы еврея нельзя поставить на должность начальника отдела. И так я доработал на прежней должности.

Еврейский университет

В 1990 году Иосиф Маркович ушел на пенсию. В это время в Ленинграде организовывался Еврейский университет (сейчас Институт иудаики).

Иосиф Маркович: Это было, конечно, чудо. В то время существование еврейского университета у людей не укладывалось в голове после всего, что сделали с еврейским образованием.

Университет создавался инициативной группой во главе с Ильей Дворкиным. Но им нужен был человек, который бы занимался именно организацией, потому что у них не было опыта в этом. И Иосифа Марковича пригласили на должность исполнительного директора.

Университет поначалу даже не имел постоянного адреса. Он переезжал с места на место. Было только вечернее отделение. Готовили преподавателей истории, иврита и еврейской философии. Состав студентов был очень разнообразный. Так, одному из студентов было около 80 лет.

Иосиф Маркович проработал в университете четыре года. Выполнив свои обязанности, Иосиф Маркович решил уйти на заслуженный отдых. Но не тут-то было.

В детский садик?! Ну за что!

Однажды к Иосифу Марковичу подошла знакомая по имени Луиза Бреслер, заведующая еврейским детским садиком, и предложила ему заменить ее на этой должности в связи с отъездом на постоянное место жительства в Израиль. Иосиф Маркович был очень удивлен.

Иосиф Маркович: Как я пойду в детский сад?! Для меня это было все равно, что пойти работать врачом. Тем более у меня в памяти был ужасный детский сад, в который ходила моя дочь.

Несмотря на все уговоры, Иосиф Маркович наотрез отказался.

Через два дня раздался звонок. Иосиф Маркович услышал незнакомый голос с иностранным акцентом: «Здравствуйте, с вами говорит раввин Певзнер. Я очень хотел бы с вами встретиться». Этот звонок заинтриговал Иосифа Марковича. Он отправился на встречу.

Оказалось, что Луиза рассказала Главному раввину Санкт-Петербурга М.-М. Певзнеру об Иосифе Марковиче, и раввин начал его уговаривать согласиться на эту должность. Беседа продолжалась свыше часа. Раввин Певзнер просил дать ему ответ через два дня.

На вторую встречу Иосиф Маркович поехал с женой, чтобы она поддержала его решимость не принимать предложение. Но раввин Певзнер был очень настойчив, и ему все-таки удалось убедить Иосифа Марковича стать заведующим детским садом.

Иосиф Маркович: Вот что значит умение раввина говорить с людьми! Я шел с нему, чтобы сказать твердое «нет», а вышел с твердым «да». И вот так я попал в детский сад.

«Ган Хая Мушка» был первым еврейский детским садом не только в Петербурге, но и во всем СНГ. В то время в садике было около 20 детей. Он располагался на Болотной улице в помещении обычного городского детского садика. Было решено бороться за то, чтобы государство признало «Ган Хая Мушка» государственным садиком. Добиться этого удалось с большим трудом.

Под руководством Иосифа Марковича садик очень скоро начал пользоваться большой популярностью. Детей привозили из Купчино, со Ржевки, с Васильевского острова. Постепенно количество воспитанников увеличилось вдвое.

Иосиф Маркович гордится своими воспитанниками. Это «чудесные дети». Они постоянно занимают призовые места на конкурсах. Садик участвовал в конкурсе Джойнта на лучший сценарий к празднику и занял второе место по СНГ. Во время саммита в Петербурге был объявлен конкурс «Самый умный школьник» в восьми крупных городах России. Самым умным мальчиком Петербурга оказался Кирилл Левин, выпускник садика «Ган Хая Мушка».

В 2001 году отметили десятилетие садика. Это был городской праздник, на который пришли свыше 300 гостей. Два года назад садик «Ган Хая Мушка» переехал в новое здание школы на Новолитовской улице и

снова стал частным детским садом. Только теперь его считают не садиком, а дошкольным отделением.

В садике две группы по 18 человек из детей от трех до семи лет. Занятия проводятся по возрастам. Дети изучают иврит, традиции, английский, у них есть музыкальные занятия, рисование и лепка, спортивные занятия, а также все предметы, предусмотренные государственным стандартом: чтение, письмо и счет. По окончании садика выпускники получают дипломы.

Благодаря еврейскому садiku о традициях своего народа узнают не только дети, но и их родители.

Иосиф Маркович: Маленькие дети в нашем детском саду знают больше, чем их родители. Родители сели ужинать, а мальчик, наш воспитанник, говорит: «Папа, ты сказал браху на хлеб?» А папа на него смотрит и не понимает, что это такое.

Многие выпускники детсада теперь живут в Австралии, Америке, Швеции, Германии, Франции.

Иосиф Маркович: Но мы поддерживаем с ними связь. Когда они приезжают в Петербург, обязательно приходят в садик. И мы устраиваем очень интересные встречи.

Весной этого года Иосиф Маркович ушел из садика. Его отпустили с большим трудом, поскольку такого замечательного руководителя найти нелегко. В Синагоге ему устроили торжественные проводы. Подарили роскошный шофар, который Иосиф Маркович с удовольствием показывает гостям.

Я остался верным большевиком

Иосиф Маркович как-то подсчитал, что в общей сложности его семья отдала еврейской общине около ста лет..

Когда-то у Иосифа Марковича была большая родня. Он вспоминает, что на золотую свадьбу родителей пришлось вынести мебель из комнаты, чтобы всех разместить. Сейчас он остался в Петербурге с женой, дочерью Галиной и внуком Славой. Его средний брат Лазарь уехал в Израиль и там умер. А сын Михаил уже 15 лет живет в Америке.

Иосиф Маркович: Один из наших родственников еще до большой алии оказался в Израиле. Папа несколько раз получал оттуда письма. Мы собирались всей семьей и читали эти письма. Они были на иврите. Папа очень радовался. Где еще увидишь иврит? Но тогда для нас Израиль был несбыточной мечтой.

После падения советского режима Иосиф Маркович, конечно, побывал в Иерусалиме. Но переезжать он собирался к сыну в Америку, но не сложилось.

Иосиф Маркович: В нашей семье случилось несчастье. Тяжело заболел муж дочери, и мы не могли эмигрировать. А потом нас лишили права на выезд в Америку.

«Так что я остался верным большевиком», - шутит Иосиф Маркович.

Другие времена, другие люди

В советское время невозможно было представить, что в Синагоге откроется ресторан, кошерный магазин, или будет выступать симфонический оркестр. А сейчас к евреям на праздники приезжает губернатор города. «Другие времена, другие люди».

Иосиф Маркович с восторгом вспоминает праздник на Новолитовской, посвященный внесению свитка Торы в новую синагогу, когда евреи ходили по улице в сопровождении духового оркестра, пели песни, радовались. И никто им это не запрещал.

Иосифу Марковичу особенно приятно, что в последние годы молодежь повернулась лицом ко всему еврейскому. Сейчас гораздо больше желающих познакомиться с историей и традициями своего народа. Иосиф Маркович отмечает, что в этом большая заслуга раввина Певзнера. «Ни один раввин не сделал так много для еврейского образования, как он».

Иосиф Маркович: Если б мой отец сейчас был жив, он был бы в восторге от того, какая сейчас еврейская жизнь в городе. Тогда все это было за занавесками. Я помню, папа говорил: «Подождите, еще наступит такой момент, когда вы будете идти по улице, бить себя в грудь, и кричать: «Я еврей!». И он оказался прав.

Текст мемуаров подготовлен Еленой Беспаловой на основе бесед с Иосифом Марковичем Разраном